

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.5>

UDC 81'373.44
LBC 81.006.35

Submitted: 02.07.2020
Accepted: 12.10.2020

ON ADJECTIVAL ATTRIBUTIVES *BLOOD, DIRECT, PEACEFUL* AS COMPONENTS OF ARCHAIC NOMINATIONS OF FRIENDS¹

Tatyana V. Leontyeva

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The article discusses the changes in collocability of the word *friend* over time. It notes that the works by A.S. Pushkin contain the forms, unexpected for the perception of the native speakers of the modern Russian language: *blood friends, direct friend, peaceful friends*. The analysis of the specified attributive combinations is carried out applying definitional, contextual, linguocultural analysis methods. The text material from the National Corpus of the Russian language is used. It is proved that the expression “*blood friends*” could denote “people connected by strong friendship” and “people of the same class”. Physical kinship criterion has been proved to serve as a basis for cognitive understanding of spiritual intimacy and social class identification. However, the connection between primary and secondary semantics is not so direct here; it is mediated by the cultural layer – the custom of twinning, a form of artificial relationship noted among many peoples. Most examples of the usage of the phrase “*direct friend*” mean ‘express your opinion to someone honestly, directly’. The expression “*peaceful friends*” is interpreted as based on a doubling of the meaning ‘in a relationship of agreement’. The research results can be used in compiling dictionaries of the Russian language, and also in teaching linguistic disciplines.

Key words: ethnolinguistics, semantics, phraseology, archaism, diachrony, lexicography, friend, Pushkin.

Citation. Leontyeva T.V. On Adjectival Attributives *Blood, Direct, Peaceful* as Components of Archaic Nominations of Friends. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 6, pp. 58-68. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.5>

УДК 81'373.44
ББК 81.006.35

Дата поступления статьи: 02.07.2020
Дата принятия статьи: 12.10.2020

АРХАИЧНЫЕ ИМЕНОВАНИЯ ДРУЗЕЙ: ОБ АДЪЕКТИВНЫХ АТТРИБУТИВАХ *КРОВНЫЕ, ПРЯМЫЕ, МИРНЫЕ*¹

Татьяна Валерьевна Леонтьева

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об изменении сочетаемости слова *друг* в истории русского языка. В качестве объекта исследования избраны словосочетания *кровный друг, прямой друг, мирный друг*, зафиксированные в поэтических произведениях А.С. Пушкина и отсутствующие в узусе носителей современного русского языка. Изучение указанных атрибутивных сочетаний проведено с использованием методов

дефиниционного, контекстного, лингвокультурологического анализа. Привлечен текстовый материал, представленный в Национальном корпусе русского языка. Установлено, что выражением *кровные друзья* могли обозначаться 'люди, связанные крепкой дружбой' и 'люди одного класса'. Показано, что признак физического родства послужил основой для когнитивного осмысления духовной близости и социально-классовой идентификации, что связь между прямым и переносным значениями культурно опосредована обычаем побратимства – формы искусственного родства, отмечаемой у многих народов. В большинстве примеров употребления речевого оборота *прямой друг* актуализируется семантический компонент 'честно, прямо высказывать свое мнение кому-либо'. Выражение *мирный друг* предложено толковать как основанное на удвоении смысла 'находящийся в отношениях согласия'. Результаты исследования могут быть учтены при составлении словарей русского языка, а также использованы в преподавании языковедческих дисциплин.

Ключевые слова: этнолингвистика, семантика, семантические изменения, фразеология, архаизм, диакрония, лексикография, друг, Пушкин.

Цитирование. Леонтьева Т. В. Архаичные именованья друзей: об адъективных атрибутивах *кровные, прямые, мирные* // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 6. – С. 58–68. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.5>

Введение

Наблюдение над художественными текстами разных эпох в сравнении с современной речевой практикой дает материал для осмысления языковых изменений. Так, анализируя стихотворения А.С. Пушкина, мы обратили внимание на различия в сочетаемости слова *друг* в его текстах и в узусе носителя современного русского языка. Наряду с традиционными сочетаниями *любезный друг, бесценный друг, юные друзья, настоящий друг* и другими поэтические произведения А.С. Пушкина содержат неожиданные для восприятия носителей современного русского языка обороты: *кровные друзья, друг прямой, мирные друзья*. Они свидетельствуют о том, что сочетаемость слова *друг* с прилагательными меняется в процессе функционирования языка в разные эпохи.

В статье рассмотрим три названных сочетания, которые на сегодняшний день вышли из употребления, но зафиксированы в более ранних, не только в пушкинских, текстах.

Материал и методы исследования

Каждое из анализируемых сочетаний представляет собой атрибутивную конструкцию, построенную по модели «адъектив + субстатив», или, по терминологии Д.А. Синкевича, «атрибутивно-именное словосочетание» [Синкевич, 2010, с. 240], а по терминологии Н.В. Юдиной – «простое двучленное сочетание слов, в котором функцию стержневого компонента выполняет имя существительное, на-

ходящееся в постпозиции по отношению к контактно расположенному зависимому имени прилагательному и соединенное с ним связью согласования» [Юдина, 2006, с. 3]. Последнее определение можно принять в качестве рабочего с учетом возможной инверсии, особенно частотной в поэтических текстах. При изучении конструкций «адъектив + субстатив» в отечественной и зарубежной лингвистике ведущее место занимают вопросы о сочетаемостных ограничениях, совместимости или несовместимости языковых единиц. Мы подошли к анализу словосочетаний *кровные друзья, друг прямой, мирные друзья* в этом же ключе, делая акцент на истолковании прилагательных, входящих в состав этих оборотов, с позиций их семантической оправданности на фоне известной избирательности лексем в «типовых» контекстах.

Обращение к сочетаемости слова *друг* именно в текстах А.С. Пушкина объясняется тем, что тема дружбы декларируется в качестве одной из центральных в его творчестве, ключевых для понимания мироощущения поэта, по крайней мере в отдельные периоды жизни: «вино, любовь, дружба – непререкаемые ценности эстетического кодекса юного Пушкина, важные слагаемые эпикурейства» [Никишов, 2003, с. 99–100]; «дружба, бывшая в ранних стихах поэта традиционным синонимом пиров, лености, теперь уже окончательно обретает статус ценности высшего порядка, над которой не властны время и сама смерть» [Ян Ен Лан, 2006, с. 19]. Таким образом, литературный контекст изначально накладывает отпечаток на избранный материал

исследования, однако в ходе разысканий мы установили, что выражения *кровные друзья*, *друг прямой*, *мирные друзья* нельзя отнести к числу индивидуально-авторских, окказиональных единиц, так как они представлены в прозаических текстах других авторов и эпох.

К рассмотрению атрибутивных словосочетаний со словами *друг*, *дружба* в сопоставлении с подобными сочетаниями английского языка на материале текстовых онлайн-корпусов обращались Э.А. Дудуева и З.Э. Борлакова. Они сконцентрировались на статистических данных. В частности, установили, что количественное преимущество имеют конструкции данного типа в английском языке, англоязычный материал оценен также как отличающийся разнообразием, русский же материал, к сожалению, не приводится [Дудуева, Борлакова, 2018, с. 128]. Другие работы, авторы которых посвятили бы внимание целенаправленно именно определениям слова *друг*, нам неизвестны.

В работе используются методы дефиниционного, контекстного, лингвокультурологического анализа. Привлекается текстовый материал, извлеченный из Национального корпуса русского языка.

Результаты и обсуждение

Кровные друзья: образно воплощенная семантика принадлежности к социальному кругу

В одном из ранних поэтических опытов А.С. Пушкина встречаем сочетание *кровные друзья*. В стихотворении «Монах» (1813) описывается ситуация, когда бес по имени Момлок соблазняет монаха Панкратия богатством: *Богатства все полют к тебе рекою... я в знать тебя пушу... Всех кланяться заставлю богачу* (Пушкин, с. 21). Он так характеризует будущие, обещаемые отношения монаха со знатными и могущественными людьми:

(1) Потом всю знать (с министрами, с князьями / Ведь будешь жить, как с **кровными друзьями**) / Ты позовешь на пышный свой обед (Пушкин, с. 21).

Бес сулит монаху все прелести жизни в роскоши, материальный достаток, а главное –

возможность войти в другой круг, иной социальный класс, и вербальным маркером это обещания выступает оборот *кровные друзья*, посредством которого очень точно «схвачена» суть посула: слово *друзья* эксплицирует сему ‘отношения близости’. Образный компонент ‘кровь’ закрепляет акцент на семе ‘родство, принадлежность к одному роду’ и становится средством характеристики принадлежности к социальному классу: физическое родство – метафорический аналог социальной идентификации.

Это выражение незнакомо, но интуитивно понятно носителю современного русского языка, поскольку невозможно ошибиться в его сходстве с узуально закрепленными сочетаниями *кровные братья / сестры / дети / родственники, кровные узы, кровная связь*, из которых два последних способны называть не только отношения кровного родства, но и тесные, близкие отношения. Способность слова *кровный* характеризовать отношения людей, не состоящих в генетическом родстве, подтверждается составом его значений в словарях. Согласно лексикографическим источникам, оно многозначно, имеет переносное значение, в формулировке которого акцентируются дифференциальные признаки ‘близость’ и ‘духовный’: «основанный на духовной близости, связанный дружескими отношениями; сердечный. *Уж вы, братцы мои, други кровные, Поцалуемтесь да обнимемтесь На последнее расставание.* Лерм. Песня про... купца Калашн.» (ССРЛЯ, стб. 1680); «прочный, неразрывный благодаря общим интересам, духовной близости. *За всю свою многотрудную жизнь он [И. А. Каблуков] не терял кровной связи с народом.* А.Н. Толстой, Большой ученый; *Поднимем же песню за доблесть и славу, За **кровное братство бойцов.*** Сурков, Застольная песня» (СлРЯ, с. 132).

В одном из недавно изданных словарей, а значит точнее отражающих современную языковую практику, в спектр значений семантемы *кровный* значение ‘дружески близкий’ не включено: «**КРОВНЫЙ**, -ая, -ое. **1.** Основанный на общем происхождении от одних родителей. *Кровное родство. К. брат.* **2. перен.** Очень близкий, непосредственно касающийся кого-н. *Кровная связь писателя с на-*

родом. *Кровно* (нареч.) *заинтересован в чём-н.* 3. О животных: то же, что породистый. *К. рысак.* 4. **кровные**, -ых. Свои собственные деньги (прост.). *Жалко отдавать свои кровные*» (Шведова, с. 381).

Словари современного русского языка не фиксируют и выражение *кровный друг*, бывшее в поэтическом арсенале А.С. Пушкина, однако лексикографы неизменно принимают во внимание идиому *кровный враг* как обозначение непримиримого, злейшего врага (Шведова, с. 381). С учетом того что в настоящее время также употребительны обороты *кровная обида* 'глубоко затрагивающая, тяжелая обида' (Шведова, с. 381; СлРЯ, с. 132), *кровная вражда* 'злейшая, непримиримая вражда' (СлРЯ, с. 132) и даже *кровные деньги, кровный заработок, кровное добро* 'добытый, нажитый тяжелым трудом' (СлРЯ, с. 132), можно утверждать, что семантическая деривация этого прилагательного идет по пути расширения негативно-семантического поля значений на основе соотношения этого слова с культурным феноменом кровной мести и с представлениями о напряженном труде (*до кровавого пота*). А.С. Пушкин же использовал слово *кровный* как маркер наивысшей формы близости (родства). Подчеркнем, что в поэтическом примере из его стихотворения не охарактеризована степень проявления признака дружеской близости, поскольку речь в нем идет не о дружбе в ее «высокодуховном» понимании, а о классовой идентификации: бес обещал наделить монаха богатством и ввести его в круг знатных, богатых людей, сделать так, словно он всегда принадлежал ему (будто они с ним *кровные друзья*).

В литературных произведениях XIX–XX вв. обнаруживаются немногочисленные примеры, когда этим выражением обозначаются близкие отношения, духовная связь:

(2) Все – точно родные, **друзья дорогие, кровные**... (Г.И. Успенский. Власть земли. 1882. НКРЯ);

(3) Удивляется Груша, что Василиса Федосеевых под защиту берет. – Будто **друзья твои кровные**. Сама же мне их хаяла... (А.М. Коллонтай. Василиса Малыгина. 1927. НКРЯ);

(4) И еще мы смотрим на тех, с кем рядом прошли когда-то выданный судьбой путь, на **кровных друзей** и совсем незнакомых ребят (К.Я. Ван-

шенкин. Рассказ о потерянном фотоальбоме. 1973. НКРЯ).

Социальную, а не личностную отнесенность имеет выражение *кровный друг* при обозначении отношений между предводителем народного восстания и народом:

(5) Не враг я народу, а **кровный друг!** – Пугачёв перевел дух и спросил: – Ну, как думаешь, полковник?.. (В.Я. Шишков. Емельян Пугачев. 1934–1945. НКРЯ).

Социальные роли «народ» и «вождь» значимы здесь с точки зрения идеи классовой идентификации: Пугачев близок народу по своему социальному происхождению.

Примером выражения социальных коннотаций словосочетанием *кровные друзья* может служить отрывок текста середины XIX в., описывающий введение новых лиц в число приближенных титулованной особы – графа:

(6) Съ ея именемъ поминутно связывали имена людей...: чуть приезжалъ въ Петербургъ какой нибудь особенно красивый иностранецъ (хорошей фамиліи), чуть между молодежью появлялся юноша, поблистательнее конечно, ихъ производили въ чичисбеи графини и **кровные друзья** Павла Антоновича (А.В. Дружинин. Обрученные. 1857. НКРЯ).

Именно эта идея социальной идентификации нашла воплощение в пушкинском тексте, где посредством оборота *как кровные друзья* акцентировано вхождение персонажа стихотворения (монаха) в сословие знати (*князья, министры*), приобретение им нового социального положения. Таким образом, выражением *кровные друзья* могли обозначаться 'люди, связанные крепкой дружбой' и 'люди одного класса'. Физическое родство послужило прообразом для когнитивного осмысления духовной близости и социально-классовой идентификации.

Однако связь между первичной и вторичной семантикой здесь не столь прямая, она культурно опосредована существованием обычной побратимства – формы искусственного родства, отмечаемого у многих народов, в разных культурах, состоящего в клятвенном обещании дружбы и взаимопомощи, фактически

в заключении договора, первоначально скрепляемого кровью как символом родства и одновременно готовности умереть (отдать кровь) за друга. У этого явления много названий: *побратимство*, *куначество*, *кумление*, *посестримство* и др.

Указание на ритуал клятвоприношения находим, например, в тексте начала XX в., где используется выражение *кровная дружба*; цитируемое художественное произведение передает национальный колорит жизни на Кавказе, в грузинском селении:

(7) Ахмет не хотел оскорбить тебя. Вы – кунаки, клялись друг другу в **кровной дружбе**... Напоминаю тебе об этом (Л.А. Чарская. Вторая Нина. 1909. НКРЯ).

Итак, воплощенная в выражении *кровные друзья* идея дружбы (духовной близости) как приобретенного родства способна преобразовываться в идею вхождения в какой-либо социальный класс, слой, группу, однако анализируемый речевой оборот к настоящему времени утрачен или выходит из узуса, устаревает. При этом лингвокультурного багажа обычного носителя русского языка достаточно для объяснения того, почему А.С. Пушкин использовал такое сравнение, хотя существует вариант трактовки выражения *кровные друзья*, связанный с влиянием европейской культуры на российское общество пушкинского времени.

В книге представителя французской историко-антропологической школы Марка Блока «Феодалное общество» (1939) есть параграф, который в переводной версии труда так и называется – «Кровные друзья» (Блок, с. 125–127). Излагая свое видение социальной жизни средневекового общества (IX–XIII вв.), по большей части во Франции, Германии, Англии, автор книги утверждает, что наряду с новыми – вассальными – отношениями, характерными для этого исторического периода, еще весьма значимыми оставались родственные отношения, и *друзьями крови* (или *кровными друзьями*) назывались собственно родственники (дается пример из документа XI в., бытовавшего в Иль-де-Франс: «...его друзья, а именно, мать, братья, сестры и другие близкие по крови или супружеству») (Блок, с. 126). Другой пример, приведенный в книге, – это описание судебных традиций в Ис-

пании: для подтверждения иска в суд могли по обычаю явиться «кровные друзья», в соответствии с этим обычаем иск женщины, заявившей о насилии над собой, был клятвенно подтвержден четырьмя ее родственниками (Блок, с. 126). При этом почти во всех случаях, при характеристике которых используется переводное выражение *кровные друзья*, речь идет о поручительстве, нередко – о круговой поручке, покровительстве и кумовстве в социальных учреждениях, социально-политической среде. Хотя социальный контекст здесь более значим, чем при побратимстве, сближать пушкинские строки, содержащие сравнение *как с кровными друзьями*, и средневековое понимание *друзей крови* было бы, на наш взгляд, ошибкой. Во-первых, вряд ли 13-летний поэт был знаком со средневековой антропологией; во-вторых, в сочинении А.С. Пушкина актуализирована не идея действительного родства, а идея родства «искусственного» – приобретенного, не данного по рождению; в-третьих, любое сравнение предполагает дистанцирование между объектом и эталоном сравнения. Так, у А.С. Пушкина находим следующее: *министры и князья* не прямо именуются *кровными друзьями* монаха, они лишь *как кровные друзья*. По-видимому, стихотворение сохранило для нас устаревшее ныне (да и тогда, видимо, уже устаревшее) выражение, корни которого лежат в древних обычаях заключения договора дружбы. Думается, идея кровной дружбы влечет юношеское сознание поэта своей осязаемостью, «формой», визуализацией посредством договора – не негласного, а словесного, вербализованного и притом ритуально закрепленного. Это близко и понятно детскому сознанию в той же степени, что и мифологическому мышлению (этот мотив в будущем проявится в творчестве поэта в мотивах клятвы и нарушения клятвы, обещания дружбы, обязанностей дружбы). Однако отметим, что процесс европеизации России, начавшийся в конце XVII в., привел к проникновению элементов европейской культуры, знаний о ней в российскую культуру и нашел отражение в русском языке, в частности, возможно, в возникновении сугубо социальных (с акцентом на сословных отношениях) коннотаций у выражения *кровные друзья*.

**Друг прямой: сема откровенности
в понятии дружбы**

В стихотворении «Пирующие студенты» (1814) А.С. Пушкин адресует обращение *друг прямой* одному из своих лицейских друзей, предположительно Ивану Пущину:

(8) Товарищ милый, **друг прямой**, / Тряхнем рукою руку (Пушкин, с. 54).

Этот оборот отсутствует в узусе носителя современного русского языка.

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» у прилагательного *прямой* фиксируется 8 значений: «1. Прямой, не имеющий изгибов, кривизны. <...> 2. Истинный; настоящий, неподдельный. <...> Тотъ Дмитрей былъ не прямой государь, воръ, рострига. Рим. имп. д. Пб 1371. 1621). <...> 3. Правильный, справедливый; правый. <...> А ты, государь... дай намъ... судъ прямъ. Чел. Авр., 33, 1670. 4. По праву принадлежащий (кому-л.), собственный. <...> Говорят про нас, что мы чюжие земли держим, с кривою от людей взявши, а не свои прямые. Пов. о Скандерберге, 44, XVII в. <...> 5. Честный, прямой, правдивый. <...> Ино лихорадство ты почаль делати, что мимо лживых людей да на прямых падаешь. Ив. Гр. Посл., 151. 1573 г. <...> 6. Верный (кому-, чему-л.). <...> Я государю прямъ. Астрах. а. № 2277. Лист Казаналпа, сост. 2. 1651 г. 7. Направленный вперед, по пути следования, благопритствующий движению (о ветре) <...> 8. Сделанный на прямую, т. е. симметричную колодку (об обуви)» (СРЯ XI–XVII, вып. 21, с. 29). Там же находим устойчивые сочетания *прямой вес* ‘равный’, *прямое дело* ‘об открытом бое с главными силами противника’, *прямое слово* ‘честное слово’ (СРЯ XI–XVII, вып. 21, с. 29–30). Во многих своих семантических вариациях адъектив *прямой* может сочетаться со словом *друг*: и ‘настоящий’, и ‘верный’, и ‘честный’, и ‘равный’, и ‘открытый’. Эти значения взаимосвязаны и составляют по сути синкретичное единство: открытый показывает себя настоящего, честность заключается в открытых высказываниях и отсутствии лжи и т. д.

Пушкин уточняет содержание обращения *друг прямой* тем, что в пояснение или в продолжение его лирический герой в той же

строфе лаконично сообщает о размолвках и примирениях между ним и адресатом восклицания: *Нередко и бранимся, / Но чащу дружества нальем – / И тотчас помиримся* (Пушкин, с. 54). Иван Иванович Пущин в своих воспоминаниях о чтении Пушкиным в лазарете его «пиесы» «Пирующие студенты», присоединяясь к разъяснениям, которые уже есть в строках Пушкина, тоже делает акцент на дружескую прямоту в отношениях: «Мы с ним постоянно были в дружбе, хотя в иных случаях розно смотрели на людей и вещи; откровенно сообщая друг другу противоречащие наши воззрения, мы все-таки умели их сгармонировать и оставались в постоянном согласии» (Пущин, с. 78). ‘Правдивость’ как компонент значения сочетания *прямой друг* выражен и в пушкинском стихотворении «Послание к Галичу» (1815), хотя анализируемое сочетание изменено за счет несубъектной привязки и характеризует не отношения между людьми, а свойство личности – мудрость человека:

(9) Нет, добрый Галич мой! / Поклону ты не сроден. / **Друг** мудрости **прямой** / Правдив и благороден (Пушкин, с. 119).

Идея прямоты (открытого выражения своего мнения) эксплицируется трижды: *поклону не сроден, друг прямой, правдив* (можно усмотреть ее и в семантике прилагательного *благороден*).

Носитель современного русского языка, очевидно не использующий сочетание *друг прямой* ни в живом повседневном общении, ни в текстах высокого стиля (торжественных, поздравительных, поэтических), читая пушкинские строки, вспомнит типовые контексты *прямо говорить что-либо другу*, а также этические аксиомы «другу можно довериться» и «другу можно возражать, прямо говорить неприятные вещи, честно высказывать свое мнение, не кривить душой» (то и другое есть прямота как открытость).

Анализируемое выражение – это не изобретение Пушкина, оно встречается в текстах XVIII и XIX вв., однако пушкинской инверсии не наблюдается:

(10) Ежели онъ имеетъ великое богатство; то, можетъ быть какой нибудь бедной человекъ, для бездельныя своея корысти, пристанетъ къ нему, но **прямыхъ друзей** никогда онъ себе не найдетъ, и

самым искусством познать, что честные люди всегда от своей дружбы отгоняют его будутъ (В.К. Тредиаковский. Истинная политика знатных и благородных особ [перевод книги Н. Ремона де Кура с французского]. 1745. НКРЯ);

(11) Того ради, весьма должно съ такимъ токмо человекомъ вступать въ дружбу, которой бы имель все потребныя достоинства, чтобъ могъ быть **прямымъ другомъ** (В.К. Тредиаковский. Истинная политика знатных и благородных особ [перевод книги Н. Ремона де Кура с французского]. 1745. НКРЯ);

(12) Сверхъ неправедныхъ сихъ друзей, находятя еще своенравные, которые думаютъ, что надобно всегда съ ихъ мнѣнїемъ соглашаться; и по сему ложному основанію сердятся, буде кто противитя ихъ своенравію. Толь не справедливые люди, не могутъ быть **прямыми друзьями** (В.К. Тредиаковский. Истинная политика знатных и благородных особ [перевод книги Н. Ремона де Кура с французского]. 1745. НКРЯ);

(13) Мило было видетъ ему подданныхъ своих, упражняющихся в науках и художествах, и такие-то были **прямые друзья** его, с которыми он просто и милостиво обходился (А.А. Нартов. Рассказы о Петре Великом. 1785–1786. НКРЯ);

(14) Для меня сие воспитание было совсем новое: говорили мне, что не все надо говорить, что думаешь; не верить слишком тем, которые ласкают много; не слушать тех мужчин, которые будут хвалить, и ни с каким мужчиной не быть в тесной дружбе; не выбирать знакомства по своему вкусу; любить больше тех, которые будут открывать твои пороки, и благодарить. «И эти-то **прямые твои друзья**...» (А.Е. Лабзина. Воспоминания. 1810. НКРЯ);

(15) Не говорим уже об отзывах **прямых друзей** нашего поэта – Флобера, Додэ, Зола, Мопассана и Ренана: они знакомы русской публике (П.В. Анненков. Литературные воспоминания. 1882. НКРЯ).

В большинстве контекстов употребления сочетания *прямой друг* актуализируется значение ‘честно, прямо высказывать свое мнение кому-либо’. А.С. Пушкину оно было, по видимому, хорошо известно, так что, желая указать на частоту горячих обсуждений и споров как признак крепкой дружбы, он подобрал наиболее точное поэтическое обращение для И. Пущина.

Мирные друзья: гиперэкспликативная языковая структура

Средством атрибуции друга в стихотворении А.С. Пушкина «Товарищам» (1817) является прилагательное *мирный*:

(16) Промчались годы заточенья; / Недолго, **мирные друзья**, / Нам видетъ кровъ уединенья / И царскосельские поля. / Разлука ждет нас у порогу, / Зовет нас дальний света шум (Пушкин, с. 228).

Сочетание *мирные друзья* нечастотно, мы нашли всего три примера его использования в текстах XIX–XX вв., а после середины XX столетия выражение не фиксируется.

Более всего сходства с пушкинским текстом имеет пример из произведения Л. Гроссмана, посвященного пушкинской теме, поскольку героем книги является французский дипломат, бывший секундantom на роковой дуэли 27 января 1837 г.:

(17) И действительно, нежные звуки любовной каватины из Ченерентолы воздушно слетали с высоких хоров галереи, как бы осеняя своей мелодической волной этот круг **мирных друзей**, беседующих среди цветочных куп и полных чаш о странствиях принцев, празднествах банкиров и ристалищах европейской аристократии (Л.П. Гроссман. Записки Д'Аршиака. 1931. НКРЯ).

В этих строках нарисована идиллическая картина дружеской беседы, и слово *мирный* передает атмосферу общего согласия и приятного общения.

В другом примере использования оборота *мирные друзья* в тексте середины XX в. описывается зимний кулачный бой в селе, где между сторонами, выступающими на бой, нет истинной вражды и ненависти, для всех это лишь игра, проба молодецкой удали, потому что все приходятся друг другу родственниками или соседями, хорошими знакомыми, друзьями:

(18) Неподалеку... толпятся и на той и на другой стороне взрослые и ребяташки. Сейчас и мы и они – тоже соперники. К санкам Измайлова подходят любопытные и с того берега. Санки стоят на середине реки... Здесь люди и той и другой стороны – обычные **мирные друзья** и сродники (Ф.В. Гладков. Повесть о детстве. 1948. НКРЯ).

Слово *мирные* можно даже считать общим определением для существительных *друзья* и *сродники*, выражающим смысл ‘живущие в согласии’.

Несколько иначе следует трактовать пример употребления анализируемого оборота в конце XIX в., поскольку в нем слово *друг* выступает в ином значении – ‘сторонник, при-

верженец; защитник, покровитель' (*друг свободы и равенства*):

(19) На что только не жалуются у нас люди!.. Но скажите этим «мирным» друзьям свободы и равенства, что все эти явления, возмущающие их «легальные» и европейские сердца, суть не что иное, как плоды того «общечеловеческого эмансипационного» прогресса, который они чтут столь ребячески и слепо, – они засмеются над вами или вознегодуют на вас (К.Н. Леонтьев. Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 года. 1880. НКРЯ).

Здесь прилагательное *мирный* подчеркивает невоинственный характер оппозиционных выступлений.

Реализованные в этих текстовых фрагментах лексико-семантические варианты прилагательного обнаруживаются и в современных, и в исторических словарях русского языка. Так, в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» у слова *мирный*² фиксируется как оттенок основного значения 'спокойный, тихий' значение 'живущий в мире, согласии, без раздоров' (СРЯ XI–XVII, вып. 9, с. 169). В «Словаре русского языка XVIII в.» в качестве основного приведено значение 'несклонный к вражде, любящий мир, согласие; миролюбивый' (СРЯ XVIII, с. 205), которое иллюстрируется примером *мирные души*. Заметим, что сочетания прилагательного *мирный* с обозначениями людей приводятся только для иллюстрации оттенка значения 'приведенный в состояние мира, не нарушающий договора о мире': *коряки не очень мирны, мирные соседи, нетокмо мирные были подданные* (СРЯ XVIII, с. 205), но все же сема 'согласие' актуализирована и в этом случае.

Таким образом, сочетание слов *мирные* и *друзья* (существующее только во множественном числе) можно трактовать как прием удвоения смысла: два знака используются для передачи одной и той же идеи согласия. Оппозиции «мир и война», «мир и вражда», «дружба и вражда» образуют парадигму, в которой первый член означает согласие, близость, а второй – конфликт, противостояние. Первые элементы оппозиций представляют одну сторону шкалы, вторые элементы – другую сторону. Часто слова с корнем *-мир-* и слова с корнем *-друг-* толкуются друг через

друга: *мирно* 'тихо, дружелюбно, спокойно, согласно' (САР, с. 146) и мн. др. Поэтому слова *мирные* и *друзья* как элементы соответствующих семантических гнезд с вершинами *мир* и *друг*, парадигматически соотносимые друг с другом и имеющие общую референцию к идее согласия, при их сближении в рамках синтагмы (установлении синтагматической связи между ними) образуют плеонастический комплекс, дублирующиеся компоненты которого поддерживают и усиливают друг друга на семантическом уровне.

Сочетание *мирные друзья* не может быть определено как поэтизм, поскольку все примеры употребления оборота, кроме строк А.С. Пушкина, зафиксированы в прозе. По-видимому, предпосылки к построению гиперэксplikативной языковой структуры нужно искать в языковой среде. Так, Е.В. Генералова выделяет в качестве особенностей начального периода формирования литературного языка избыточность лексико-семантической системы, которая проявлялась при использовании синонимов в тавтологических и плеонастических конструкциях, формулах этикета и делового языка [Генералова, 2017, с. 19]. К тавтологическим сочетаниям с избыточным зависимым словом она относит такие единицы, как *капустные щи, водяной ключ, земляной вал, законный брак* [Генералова, 2017, с. 19].

Т.С. Остапенко, составляя типологию тавтологий, выделяет «интенциональную тавтологию» по критерию намеренности продуцирования избыточного высказывания, характеризует ее как «функционально оправданную» и указывает на функцию интенсификации как характерную для атрибутивных сочетаний: «Например, большинство адъективно-субстантивных тавтологий (*красивая красавица, истинная правда, real reality, idiotic fool*) выполняют функцию интенсификации качества как наличествующего в высокой степени» [Остапенко, 2011, с. 17].

Таким образом, введение в речь сочетаний плеонастической природы имеет объективные предпосылки, связанные с развитием языковой системы, но пушкинское *мирные друзья* – это все же еще и языковой факт, включенный в литературный и биографический контекст.

Стихотворение написано в год прощания А. Пушкина с лицеем, бывшим в восприятии его воспитанников обителью спокойствия на пороге большой жизни с ее бурями. Устойчивый топик «мирный + локус, помещение» (*мирная обитель, мирные чертоги* и др.) фиксируется словарями: *мирный*² – «спокойный, тихий. Не въвожу рати въ чьртогъ мирныи» (СРЯ XI–XVII, вып. 9, с. 169); *мирный*¹ – «тихий, спокойный, чуждый тревог, волнений». <...> *Мирное жилище, мирный кров, мирная обитель* (СРЯ XVIII, вып. 12, с. 206) – и реализуется в контекстах, например:

(20) Коперник умер спокойно в своем **мирном жилище** (Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника. 1793. НКРЯ);

(21) **Мирные жилища** в беспорядке рассыпаны по хребтам (Г.П. Каменев. Софья. 1796. НКРЯ);

(23) За год до сего стояли тут **мирные кровы** наших родственников и сограждан (И.М. Муравьев-Апостол. Письма из Москвы в Нижний Новгород. 1813–1815. НКРЯ).

Эти обозначения передают смысл ‘чуждый волнений и вражды’. Круг таких коллокаций вполне может быть фактором, оказавшим влияние на выбор А.С. Пушкиным слова *мирный* в качестве атрибутива к существительному *друзья* с явной референцией к лицейским товарищам, к мирной жизни в мирном пристанище Императорского Царскосельского лицея, которая подошла к своему завершению. Поэт прозревает будущее стоящих на пороге новой жизни вчерашних лицеистов, ведь за стенами лицея выпускников ожидают неизвестность, неприветливый, чужой, незнакомый мир.

Выводы

Материал, извлеченный из текстов прошлых веков (художественных, эпистолярных, документальных и др.), уникален, однако эти языковые единицы иногда оказываются за пределами лексикографических описаний. В статье реализована попытка восстановить пробел в научном представлении выражений *кровный друг, прямой друг, мирный друг*, которые со временем претерпели изменения в условиях ослабления их позиции в узусе и к сегодняшнему дню почти вышли из речевой

практики. Современный носитель языка, опираясь на стержневое в их структуре слово *друг*, способен понять приблизительное содержание этих речевых оборотов на фоне известных ему базовых ментальных установок, поддерживаемых сохранным языковым фондом, поскольку в основу фразеологических выражений, исчезающих ныне из обихода, были положены представления о дружбе и дружбе, составляющие ядро понятия. Сочетания *прямой друг, кровный друг, мирный друг* имеют в качестве значимых семантических компонентов своей структуры дифференциальные признаки ‘откровенный, основанный на абсолютном доверии’, ‘близкий по духу или социальному происхождению (аналогично биологическому родству)’, ‘живущий в согласии, в мире, без вражды’. В большинстве своем эти смыслы согласуются с традиционным для русской лингвокультуры содержанием понятия «дружба».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда, проект № 20-68-46003 «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс».

The study is financially supported by Russian Science Foundation (project No. 20-68-46003 “Semantics of unity and enmity in Russian vocabulary and phraseology: system-linguistic data and discourse”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Генералова Е. В., 2017. Избыточность как характерная черта лексико-семантической системы языка Московской Руси // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы : К 205-летию со дня рождения И.И. Срезневского : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 21–23 сент. 2017 г.). Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. С. 19–26.
- Дудуева Э. А., Борлакова З. Э., 2018. Сопоставительный анализ атрибутивных словосочетаний с лексемами «друг» и «дружба» в русском и английском языках // Наука и образование : сб. науч. ст. М. : Перо. С. 128–129.

- Никишов Ю. М., 2003. Дум высокое стремление: очерки духовной биографии Пушкина. В 4 т. Т. 1. 1813–1822. Тверь : Золотая буква. 565 с.
- Остапенко Т. С., 2011. Причины возникновения тавтологических выражений в речи говорящего // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 56 (2). С. 15–18.
- Синкевич Д. А., 2010. Атрибутивные конструкции в современной лингвистике: проблемы определения и анализа // Актуальные вопросы современной науки. № 12. С. 239–248.
- Юдина Н. В., 2006. Лексическая сочетаемость в когнитивном аспекте (на материале конструкции «прилагательное + существительное»): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М. 40 с.
- Ян Ен Лан, 2006. Эволюция системы нравственных ценностей в лирике А.С. Пушкина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб. 23 с.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Блок – Блок М. Феодалное общество / пер. с фр. М. Ю. Кожевниковой. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2002. 504 с.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 02.07.2020).
- Пушкин – Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 1. Стихотворения / примеч. проф. Б. В. Томашевского. 4-е изд. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 399 с.
- Пушкин – Пущин И. И. Записки о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 1. 3-е изд., доп. СПб. : Акад. проект, 1998. С. 60–100.
- САР – Словарь Академии Российской. В 6 ч. Ч. 4. М–Р. СПб. : При Императ. акад. наук, 1793. 1272 стб.
- СлРЯ – Словарь русского языка : в 4 томах / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 2: К–О. Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999. 736 с.
- СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9 (М). М. : Наука, 1982. 357 с. ; Вып. 21 (Прочный – Раскидати). М. : Наука, 1995. 280 с.
- СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII вв. Вып. 12. Лъстец – Молвотворство / сост. А. А. Алексеев. СПб. : Наука. С.-Петербург. отд-ние, 2001. 252 с.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М. : Наука ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. 5 : И–К. 1956. VII с., 1918 стб.
- Шведова – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2011. 1175 с.

REFERENCES

- Generalova E. V., 2017. Izbytochnost kak kharakternaya cherta leksiko-semanticheskoy sistemy yazyka Moskovskoy Rusi [Redundancy as a characteristic feature of the lexical-semantic system of the language of Muscovite Rus]. *I. I. Sreznevskiy i russkoe istoricheskoe yazykoznanie : opyt i perspektivy : k 205-letiyu so dnya rozhdeniya I. I. Sreznevskogo : sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Ryazan, 21–23 sentyabrya 2017 g.)*. [I. I. Sreznevsky and Russian historical linguistics: experience and prospects: to the 205th anniversary of I. I. Sreznevsky's birth]. Ryazan, Ryazanskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 19–26.
- Dudueva E. A., Borlakova Z. E., 2018. Sopostavitelnyy analiz atributivnykh slovosochetaniy s leksemami «drug» i «druzhba» v russkom i angliyskom yazykakh [Comparative analysis of attributive word combinations with lexemes “friend” and “friendship” in Russian and English]. *Nauka i obrazovanie* [Science and education]. Moscow, Pero Publ., pp. 128–129.
- Nikishov Yu. M., 2003. *Dum vysokoe stremlen'ye : ocherki dukhovnoy biografii Pushkina* [High aspiration of thoughts: essays on the spiritual biography of Pushkin]. In 4 vol. Vol 1. Tver, Zolotaya bukva Publ. 565 p.
- Ostapenko T. S., 2011. Prichiny vzniknoveniya tautologicheskikh vyrazheniy v rechi govoryashchego [The reasons for the appearance of tautological expressions in the speech of the speaker]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University], vol. 56, no. 2, pp. 15–18.
- Sinkevich D. A., 2010. Atributivnye konstruksii v sovremennoy lingvistike: problemy opredeleniya i analiza [Attributive constructions in modern linguistics: problems of definition and analysis]. *Aktualnye voprosy sovremennoy nauki* [Actual problems of modern science], no. 12, pp. 239–248.
- Yudina N. V., 2006. *Leksicheskaya sochetaemost v kognitivnom aspekte (na materiale konstruksii «prilagatelnoe + sushchestvitelnoe») : avtoref. diss ... doktora filol. nauk*. [Lexical compatibility in the cognitive aspect (based on the construction of “adjective + noun”). Dr. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 40 p.
- Yang Yen Lan, 2006. *Evoluyutsiya sistemy npravstvennykh tsennostey v lirike A. S. Pushkina : avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Evolution of the system of moral values in the lyrics of A. S. Pushkin. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg. 23p.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Blok M. *Feodalnoe obshestvo* [Feudal society]. Moscow, Izdatelstvo im. Sabashnikovyh, 2002, 504 p.
- Natsionalnyi korpus russkogo iazyka* [Russian National Corpus]. Available at: www.ruscorpora.ru (Accessed 02 July 2020).
- Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 tomakh* [Complete Works: in 10 volumes]. Vol. 1. Poems. Leningrad, Nauka Publ., 1977. 339 p.
- Pushchin I.I. *Zapiski o Pushkine* [Notes about Pushkin]. *Pushkin v vospominaniyakh sovremennikov* [Pushkin in the memoirs of contemporaries]. Vol 1. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt, 1998, pp. 60-100.
- Slovar Akademii Rossiyskoy*. V 6 t. Ch. 4: M–R [Dictionary of the Russian Academy. In 6 Volumes. Part 4: M–R. Saint Petersburg, Pri Imperatorskoy Akademii nauk, 1793. 1272 columns.
- Slovar russkogo yazyka*. V 4 tomakh [Dictionary of the Russian language. In 4 Volumes]. A.P. Evgenyeva (ed.). Vol. 2: K–O. Moscow, Russkiy yazyk; Poligrafresursy Publ., 1999. 736 p.
- Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th-17th centuries]. Iss. 9 (M), Moscow, Nauka Publ., 1982. 357 p; iss. 21 (Prochnyy-Raskidati). Moscow, Nauka Publ., 1995. 280 p.
- Slovar russkogo yazyka XVIII vv.* Vyp. 12 (Lstets-Molvotvorstvo) [Dictionary of the Russian language of the 18th centuries. Iss. 12 (Lstets-Molvotvorstvo)]. Leningrad, Nauka Publ., 2001. 252 p.
- Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. V 17 tomakh [Dictionary of the modern Russian literary language. In 17 Volumes]. Vol. 5: I–K. Moscow, Nauka Publ., 1956. VII p., 1918 columns.
- Tolkovye slovar russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Ed. by N.Yu. Shvedova. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011. 1175 p.

Information About the Author

Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Mira St, 19, 620002 Yekaterinburg, Russia, leotany@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7213-1582>

Информация об авторе

Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой языков массовой коммуникации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, ул. Мира, 19, 620002 г. Екатеринбург, Россия, leotany@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7213-1582>